

ХРОНИКА И ОБЗОР НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ И СОБЫТИЙ

COLLOQUIUM
ORIGENIANUM TERTIUM
DECIMUM

ЧАСТЬ II (18–19 АВГУСТА)

УДК 82-92 (27-1)
DOI: 10.31802/BCA.2023.2.18.011

18 августа

Четвёртый день конференции начался с пленарного заседания, на котором доклад на тему «Ориген и Григорий Нисский о свободной воле и эсхатологическом совершенстве» представил **Николай Киль**, профессор факультета протестантской теологии Вестфальского университета имени Вильгельма (Мюнстер, Германия)¹.

Первая утренняя секция, которой руководил **Андерс-Кристиан Якобсен**, профессор Орхусского университета (Дания), была посвящена различным аспектам трактата «О началах»². Первый доклад представил **Антонио Каstellано**, профессор Университета «Сапиенца» (Рим), на тему «Единство трактата “О началах” Оригена»³. Докладчик предложил на основании риторических приёмов, к которым часто обращается Ориген, усмотреть в этом тексте единый последовательный план. Гипотеза Каstellано интересна потому, что в исследовательской среде со времён публикации работы Базилиуса Штайдле⁴ трактат «О началах» предпочитают делить на две части⁵, в которых Ориген рассматривает те же самые темы.

1 *Kiel N.* Origen and Gregory of Nyssa about Freewill in Eschatological Perfection.

2 Session 1: De Principiis.

3 *Castellano A.* The unity of Origen's "De principiis".

4 *Steidle B.* Neue Untersuchungen zu Origenes «Peri Archon» // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1941. Bd. 40. S. 236–242.

5 *Origenes Alexandrinus.* De principiis I, 1 – II, 3; II, 4 – IV, 3 // SC. 252; SC. 268. P. 16–398.

Второй доклад был представлен **Виллом Дилбеком**, исследователем из Флорида Колледжа (США), на тему «Ориген и неспособность Бога постигнуть бесконечность»⁶. Исследователь рассмотрел в трактате «О началах» утверждение, вероятно восходящее к Аристотелю, что Бог не способен постигнуть бесконечность. Притом что патристические авторы к этой идее обращаются исключительно редко, в более позднюю эпоху, например, для Фомы Аквинского, эта мысль могла бы показаться богохульной. Автор доклада обратил внимание на то, что текст, в котором выражена эта мысль и который присутствует в издании Паула Кётшауа, на самом деле принадлежит Юстиниану. Другой пассаж, который сохранился только в латинском переводе Руфина и содержит ту же самую мысль, возможно, в большей степени отражает воззрения самого переводчика. Однако Дилбек в указанной работе всё же предложил допустить, что Ориген мог в той или иной степени разделять идею о том, что Бог не способен познать бесконечное.

Следующий доклад был представлен **Филипом Карфиком**, профессором Университета Фрибурга в Швейцарии, на тему «Откуда происходит понятие $\tau\omicron\ \alpha\upsilon\tau\epsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$? Происхождение ключевого понятия третьей книги “О началах”»⁷. Исследователь обратил внимание на то, что понятие $\tau\omicron\ \alpha\upsilon\tau\epsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$, которое в христианской и философской литературе появляется со II в., отчасти заменяет понятие $\tau\omicron\ \epsilon\phi'\ \eta\mu\acute{\iota}\nu$, имеющее аристотелевскую коннотацию. При этом относительно происхождения первого понятия в исследовательской литературе до сих пор не существует консенсуса. В то время как одни относят это понятие к стоической традиции, другие полагают, что данный термин мог возникнуть в иудео-христианском богословском контексте. Тем не менее притом, что этот термин впервые использует Диодор Сицилийский, за которым следуют Филон Александрийский и Иосиф Флавий, никто из них не использует $\tau\omicron\ \alpha\upsilon\tau\epsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ в философском значении. Проблема происхождения этого понятия, таким образом, находилась в центре данного доклада.

Последнее сообщение секции было сделано **Ленкой Карфиковой**, профессором богословия Карлова университета в Праге, на тему «Материя в трактате Оригена “О началах” IV 4, 6 (33) — 8 (35)»⁸. В своём докладе исследовательница заметила, что понятие «материя» ($\omicron\lambda\eta$,

6 Dilbeck W. Origen and God's Inability to Comprehend the Infinite.

7 Karfik F. Where Comes $\tau\omicron\ \alpha\upsilon\tau\epsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ from? The Background of a Key Word in Origen's "De principiis" III.

8 Karfiková L. Matter in Origen's "De principiis" IV, 4, 6 (33) — 8 (35).

materia) сопряжено в трактате «О началах»⁹ с двумя основополагающими идеями: природы материи как качества без субстрата и материи как субстрата, обладающего качествами. И если вторая концепция восходит к «Тимею» и приобретает в трактовке Оригена некоторую стоическую окраску, дополненную аристотелевскими элементами, то первая концепция приводится ещё и Плотинином. При этом, подобно Оригену, Плотин отвергает её, хотя позже каппадокийцы воспримут эту идею. В своей работе исследовательница постаралась показать философский контекст обоих понятий, а также вписать их в библейскую аргументацию Оригена.

Вторая утренняя секция проходила под руководством **Моники Клэкнер**, профессора факультета католической теологии Вестфальского университета имени Вильгельма, и носила название «Мученичество и смерть»¹⁰. Первый доклад был представлен **Карлом Йоханом Берглундом**, исследователем Академии Або (Турку, Финляндия), на тему «Смерть философа в “Увещании к мученичеству” Оригена»¹¹. Исследователь исходил из того, что мученичество представляет своего рода рамку жизни Оригена: его отец принял мученическую смерть, а он сам умер в 254 г. от увечий, полученных в заключении. Таким образом, Берглунд рассмотрел, с одной стороны, риторическую стратегию, представленную в «Увещании к мученичеству», а с другой, сопоставил представления Оригена о смерти с концепцией смерти Максима Тирского, его современника.

Следующий доклад был представлен **Дженнифер Отто**, исследователем из Университета Летбриджа (Канада), на тему «Ориген и этика “Увещания к мученичеству”»¹². В рамках довольно сложной полемики об отношении христиан к явлению мученичества, исследовательница исходила из того, что правомерность мученичества была для Оригена не только теоретической: Евсевий в «Церковной истории» представляет экзегета, в том числе, сыном мученика. Причём историк характеризует Оригена не только как человека, готового умереть за веру, но и как учителя, призывающего к тому же самому свою паству. Таким образом, Отто поставила вопрос об этических соображениях, которые привели Оригена к такой позиции. Соотнося положения Оригена с современными концепциями о достойной смерти и узаконенном

9 *Origenes Alexandrinus. De principiis* IV, 4, 6–8 // SC. 268. P. 414–422.

10 Session 2: Martyrdom and Death.

11 *Berglund C. J. The Philosopher's Death in Origen's "Exhortation to Martyrdom"*.

12 *Otto J. Origen and the Ethics of "Exhorting Martyrdom"*.

самоубийстве, докладчица пришла к заключению, что Ориген представляет смерть как благое выражение благодати Божьей, отказ от которого является злом. Следовательно, проблема мученичества для Оригена тесно сопряжена с антропологией, эсхатологией, экклезиологией и этикой.

Последний доклад секции был представлен **Раффаэле Тондини**, исследователем Падуанского университета, на тему «Ориген и самоубийство»¹³. Исследователь обратил внимание на то, что в «Беседе на Пс. 81» Ориген перечисляет три способа покончить с собой (через повешение, бросившись со скалы и выпив яд)¹⁴. Эти три примера можно обнаружить также в «Лягушках» Аристофана¹⁵, а также в некоторых источниках правового характера, например, в «Дигестах»¹⁶. Ориген, в целом подвергая самоубийство осуждению на примере Иуды¹⁷, в то же время допускает существование «божественного самоубийства», совершённого Иисусом¹⁸. Автор доклада поставил себе цель — вписать отношение Оригена к самоубийству в более широкий богословский и философский контекст. Для этого Тондини провёл сравнение между стоической концепцией смерти, которая допускает самоубийство, и более резким осуждением, высказанным Плотинем¹⁹. При этом докладчик поставил вопрос: согласен ли Ориген с христианской традицией отношения к самоубийству, которая найдёт наиболее завершённое выражение у Августина?²⁰

Третьей секцией руководил **Кристоф Маркшис**, и она была посвящена различным экзегетическим аспектам творчества Оригена²¹. Секцию открыл **Павел Дудзик**, исследователь из Карлова университета в Праге, на тему «Притч. 8, 22–25 согласно Септуагинте в раннехристианской экзегезе»²². Исследователь обратил внимание на то, что для многих

13 Tondini R. Origen and the Suicide.

14 *Origenes Alexandrinus*. Homilia in Psalmum LXXXI, 7 // GCS NF. 19. S. 521.

15 *Aristophanes Comicus*. Ranae 118–135 // *Aristophanis Fabulae*: in 2 t. / recognovit brevique adnotatione critica instruxit N. G. Wilson. T. 2. Oxonii, 2007. (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis). P. 140–141.

16 *Digesta Iustiniani* 21, 1; 23, 3 // *Digesta Iustiniani Augusti*: in 2 t. / recognovit adsumpto in operis societatem P. Kruegero, Th. Mommsen. T. 1. Berolini, 1870. P. 602–619, 668–687.

17 *Origenes Alexandrinus*. Commentarii in Matthaeum 117 // GCS. 38. S. 243–250.

18 Ср.: *Origenes Alexandrinus*. Commentarii in evangelium Joannis XIX, 15, 98 // SC. 290. P. 106, 108.

19 *Plotinus*. *Enneades* I, 9 // *Plotini Opera*: in 3 t. / ed. P. Henry et H.-R. Schwyzer. T. 1. Oxonii, 1964. (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis). P. 141–143.

20 *Aurelius Augustinus*. *De civitate Dei* I, 17 // PL. 41. Col. 30–31.

21 Session 3: Exegetical Works.

22 *Dudzik P*. Prov. 8, 22–25 LXX in the Exegesis of the Early Church.

авторов стихи Притч. 8, 22–25 служат важным фундаментом для формирования учения об отношении между Богом Отцом и Богом Сыном, поскольку они свидетельствуют о действии Бога в отношении Премудрости прежде творения мира. Таким образом, мы находим три глагола, указывающие на эту деятельность (κτίζειν, «творить»; θεμελιόυν, «основывать»; γεννάειν, «порождать»), и на результат этой деятельности (Премудрость представляется как *начало Его путей*, ἀρχὴ ὁδῶν αὐτοῦ), а также на вневременный характер этой деятельности *прежде века* (πρὸ τοῦ αἰῶνος). В докладе автор рассмотрел не только толкование Оригеном этого стиха, но и предшествующую традицию.

Следующий доклад был представлен **Марко Гросси**, исследователем из Прато (Италия), на тему «Формирование корпусов гомилий Оригена: рассуждения методологического характера на основании “Бесед на Книгу Судей”»²³. Сохранившиеся гомилии на Книгу Судей, дошедшие до нас только в переводе Руфина, истолковывают лишь первые семь глав библейской книги. Докладчик постарался представить методологическую базу, позволяющую понять, связано ли это с тем, что прочие гомилии были утрачены, или с тем, что Ориген преднамеренно отказался от толкования остальных глав. Основываясь на дошедших до нас фрагментах на греческом языке, исследователь склоняется к первой гипотезе. Кроме того, на основании фрагментов катен Гросси попытался обосновать предположение о том, что «Беседы на Книгу Судей» представляли своего рода антологию.

Следующий доклад был представлен **Сэмюэлом Джонсоном**, исследователем из Университета Нотр-Дам (штат Индиана, США), на тему «Тогда явится знамение Сына Человеческого: Ориген о логике парусии согласно Евангелию от Матфея»²⁴. В докладе автор постарался объяснить, каким образом Ориген понимал слова Иисуса о пришествии Сына человеческого в Мф. 24, 30 в «Толковании на Евангелие от Матфея». Согласно исследователю, понимание данного места для Оригена основывается в большей степени на критическом отношении к предшествующей традиции и на жанровых соображениях, нежели на каких-либо чисто богословских концепциях. Докладчик пришёл при этом к заключению, что, вероятнее всего, Ориген не относился к этим словам как к утверждению, которое следует понимать буквально. В этом

23 Grossi M. La formation des corpora homilétiques d'Origène: Réflexions méthodologiques à partir des Homélie sur les Juges.

24 Johnson S. B. “The sign of the Son of Man will appear”: Origen on the Matthean Logic of Parousia.

отношении позиция Оригена совпадает с точкой зрения некоторых современных библеистов.

Последний доклад был представлен **Аньес Алио-Мило** из Парижа на тему «Вопрошание как метод организации диалога в “Беседах на псалмы” Оригена»²⁵. Опираясь на исследования Лоренцо Перроне, показавшие влияние жанра вопросов и ответов на экзегезу Оригена, докладчик постаралась показать, какую роль играют вопросы в формировании ритма и организации оригеновской экзегезы. Исследование показало, что в некоторых местах вопросы помогают динамично положить начало толкованию, в то время как в других местах они могут, наоборот, помочь завершить экзегезу, замедлив ход мысли или дав возможность аудитории задуматься над определённым вопросом. Кроме того, в некоторых местах само приведение цитат из Писания превращается Оригеном в ряд вопрошаний. Так посредством вопросов проповедник структурирует экзегезу, сообщает беседе ритм или выстраивает диалог с аудиторией.

Четвёртая секция, руководимая **Феликсом Аренсом**, была посвящена рецепции Оригена в Новое время²⁶. Первый доклад представил на немецком языке Андреа Виллани, профессор Гёттингенского университета имени Георга Августа, на тему «*Christianus Theologus et Philosophus Platonicus: Джордано Бруно и Ориген*»²⁷. В докладе исследователь решил проанализировать отношение к Оригену Джордано Бруно. Последний в трактате «О монаде» называет Оригена христианским богословом и платоническим философом. При этом внимание Виллани особенно привлекла концепция бесконечной череды возвращающихся миров, которая встречается и у Оригена, и у Джордано Бруно. Положения обоих мыслителей отличаются тем, что если Джордано отвергает апокатастасис, то Ориген не принимает учения о переселении душ.

Следующий доклад был представлен **Еленой Рапетти**, исследовательницей из Католического университета Святого Сердца (Рим)²⁸, на тему «Странная пара: некоторые замечания об Оригене и Декарте». Докладчица указала, что со второй половины XVII в. отдельные исследователи отмечают некоторые аспекты мысли Оригена, которые могли бы предвосхитить философские построения Декарта, несмотря

25 *Aliau-Milhaud A.* Asking Questions: A Way of Organising Dialogue in the “Homilies on the Psalms” by Origen.

26 Session 4: Origen in Early Modern and Modern Times.

27 *Villani A.* “Christianus Theologus et Philosophus Platonicus”: Giordano Bruno und Origenes.

28 *Rapetti E.* The Odd Couple: Remarks on Origen and Descartes.

на отсутствие конкретных текстуальных указаний. К этим концепциям относится превосходство разумной души и обесценивание человеческого тела в силу его животного поведения.

Следующий доклад был представлен **Роберто Спатаро**, профессором Папского Салезианского университета (Рим), на тему «Ориген как философ? Интерпретация Пьера-Даниэля Юэ в его “Оригенианах”»²⁹. Автор доклада поставил себе задачу рассмотреть, каким образом излагает жизнеописание Оригена в «Оригенианах» французский епископ Пьер-Даниэль Юэ (1630–1721 гг.). При этом исследователя интересовали следующие вопросы: представлен ли в этих текстах Ориген как философ? Какое место занимает философия в его преподавательской деятельности и личном опыте? Какие школы он посещал? Каким образом его философские убеждения способствовали формированию заблуждений, которые ему приписывают?

Следующий доклад представил **Джанлука Пискини**, исследователь из Университета Франсуа Рабле (Тур, Франция), на тему «Бедный Ориген! Ориген в творчестве Сэмюэла Тейлора Кольриджа»³⁰. Докладчик посвятил сообщение рецепции наследия Оригена в творчестве английского поэта и богослова Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772–1834 гг.). При этом в качестве источников исследователь, с одной стороны, выделил личные заметки, а с другой, опубликованные им произведения. Анализ этих текстов показал, что Кольридж не только всегда стремится защитить Оригена, но также считает его лучшим из святых отцов. Он также иногда использует произведения экзегета для апелляции к авторитету.

Последний доклад секции был представлен **Сэмюэлем Помером**, исследователем Центра оригеновских исследований при университете Мюнстера. Его доклад носил название «Ориген за или против Евсевия: парадигмы для богословия истории в работах Жана Даниэлу, Карла Лёвита и Николая Бердяева»³¹. Докладчик рассмотрел в рамках философии истории, в какой мере и каким образом Карл Лёвит (1897–1973 гг.), Жан Даниэлу (1905–1974 гг.) и Н. А. Бердяев (1874–1948 гг.) ссылаются на Оригена при осмыслении хода исторических событий. При этом он обратил особое внимание на те места, где силы истории

29 *Spataro R.* Origène un philosophe? L'interprétation de Pierre-Daniel Huet dans ses “Origeniana” dans la France du XVIIe siècle.

30 *Piscini G.* “Poor Origen!” Origène dans l'oeuvre de Samuel Taylor Coleridge.

31 *Pomeroy S.* Origen *pro / contra* Eusebius: Paradigms for the Theology of History in Jean Daniélou, Karl Löwith, and Nicolas Berdyaev.

концептуализируются как «ангелы нации» (national angels) иногда с прямой отсылкой к Оригену. Таким образом, для Даниэлу Ориген представляет своего рода путь к христианскому философскому образу мысли, не заражённому гармонией христианства и культуры, которую мы обнаруживаем у Евсевия в его концепции «евангельского приготовления». Лёвит, наоборот, объединяет Оригена и Евсевия, противопоставляя их Августину. Что касается Бердяева, то он характеризует Оригена как фигуру, которая противопоставляет себя консервативному православию и мейнстримовскому протестантизму, представленному Карлом Бартом. На основании «Монотеизма» (1936 г.) Эрика Петерсона и «Универсальной истории» (1681 г.) Жака-Бениня Боссюэ Лёвит исправил отвержение Августином исторического принципа истории. Вместо этого в главе «Ориген и Евсевий», разделе монографии «Смысл в истории», Лёвит утверждает, что Божественное Провидение таинственным образом направляет исторические события, вовлекая нации и империи, что можно проиллюстрировать аллегорической интерпретацией «ангелов нации» в Книге пророка Даниила³². Что касается Даниэлу, то через Эрика Петерсона и работу «Христос в богословии апостола Павла» Люсьена Серфо³³, он противопоставляет Оригена и Евсевия³⁴: первый представляет «политическую теологию», в то время как второй «цезарепапизм». Для Даниэлу Ориген формулирует свою теологию через промыслительное распределение «ангелов нации». Подобным образом Бердяев в «Судьбах России»³⁵ и в работе «Философия неравенства» указывает на роль «ангелов нации» как воплощение позитивного коллективного сознательного³⁶, способствующего освобождению индивида. Последнее исследователь соотнёс с отсылкой к гностическому освобождению от космических божеств в «Истине и Откровении», что Бердяев полагал необходимым для раскрытия парадокса богочеловека.

Первая послеобеденная секция под руководством **Патрисии Синер** была посвящена темам педагогики и сотериологии в богословии и экзегезе Оригена³⁷. Первый доклад был представлен **Марком Скоттом**, профессором Стонхилл-колледжа (штат Вашингтон, США), на тему

32 *Löwith K.* Meaning in History. Chicago (IL), 1949. P. 171.

33 *Cerfaux L.* Le Christ dans la théologie de saint Paul. Paris, 1954.

34 *Daniélou J.* Essai sur le mystère de l'histoire. Paris, 1953. P. 52–70.

35 *Бердяев Н. А.* Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 94.

36 Ср.: *Dennert E.* Die Krisis der Gegenwart und die kommende Kultur. Berlin, 1928.

37 Session 1: Pedagogy and Soteriology.

«Педагогика Оригена: воспитание как духовная трансформация»³⁸. Докладчик опирался преимущественно на «Благодарственную речь Оригену» свт. Григория Чудотворца, обращая внимание, каким образом в рамках своего рода «программы духовной трансформации» переплетаются богословские и философские темы. При этом автор попытался, актуализируя педагогику Оригена в современном контексте, ответить на вопрос: в чём сходятся и, наоборот, расходятся педагогика и богословское творчество Оригена?

Второй доклад секции был прочитан **Зурабом Яши**, сотрудником Института систематической теологии Лейпцигского университета, на тему «Христос как божественный двойник: экзегеза Гал. 2, 20 согласно Оригену»³⁹. В докладе исследователь затронул тему соотношения свободы и Божественного Провидения в метафизике Оригена в той мере, в какой человеческая свобода основывается на трансцендентности Бога. Тем не менее, с точки зрения докладчика, довольно сложно концептуализировать, каким образом человеческая свобода сочетается с Провидением. Ответ на этот вопрос автор доклада постарался найти в различных контекстах, где Ориген использует Гал. 2, 20, исследуя, каким образом человек может достигнуть единения с Богом. Во всех данных контекстах имеется определённый сотериологический мотив с проступающий идеей спасения человеческой рациональности. Последняя сопряжена с концепцией, согласно которой Логос и человеческая душа обмениваются идентичностями в той мере, в какой Логос присутствует в качестве «божественного двойника» в душе человека.

Следующий доклад на тему «Молиться с другими: обращаться к читателям и их проблемам в трактате “О молитве”»⁴⁰ зачитал **Брэдли Хансен**, исследователь Чикагского университета. Докладчик обратил внимание, что в трактате Оригена «О молитве» автор указывает нескольких читателей своего трактата: Амвросия, Татиана, различных основоположников учений о молитве, а также Татиана, единственного оппонента его трактата, но и самого себя как читателя библейского текста. Исследователь отметил, что, обращаясь к этим читателям, Ориген прибегает к распространённому в Античности приёму «вопросов и ответов» (*πρωβλήματα καὶ λύσεις*). Подобная стратегия позволяет Оригену построить динамическую матрицу опровержений, практических наставлений, а также философских и богословских положений. С точки

38 *Scott M. Origen's Pedagogy: Education as Spiritual Transformation.*

39 *Jashi Z. Christ as Divine Double: Origen's Exegesis of Gal. 2, 20.*

40 *Hansen B. Praying with Others: Addressing Readers and their Problems in “De oratione”.*

зрения исследователя, Ориген вводит этих различных читателей с тем, чтобы придать своему тексту одновременно педагогическое, полемическое и протрепетическое измерения.

В последнем докладе секции **Бернадин Кензингер** из Вестона (штат Массачусетс, США) представила доклад на тему «Духовный рай Оригена в его трактате “О молитве”»⁴¹. С точки зрения докладчицы, основной замысел трактата «О молитве» в том, чтобы показать превосходство веры во Христа перед философией. Об этом свидетельствует начало трактата, где Ориген указывает в качестве содержания молитвы «Отче наш» то, что невозможное (*ἀδύνατα*) становится возможным (*δύνατά*) только через Христа и Святого Духа. В той мере, в какой Христос изливает Свою благодать на человека, Он делает «эпистемологическую немощь человека» способной обрести богопознание через Духа. Помочь в этом нам могут слова (*λόγοι*), мысли (*ἐπίνοιαι*) и учения (*θεωρήματα*) Христа, выраженные в Писании. Это познание на богословском уровне сопряжено с тем, что через воплощение Христа, когда человеческая и божественная природы оказались переплетены, человек, согласно Оригену, также обрёл возможность обожествиться. По мнению докладчицы, Ориген стремится преодолеть концепцию Бога как интеллектуальной непознаваемой сущности, поставив Христа как богочеловека над всем творением вплоть до творения человека. В своём толковании молитвы «Отче наш» Ориген делится собственным опытом богопознания с тем, чтобы сообщить читателю подобный опыт проникновения Слова в человеческое сердце и ум. Можно сказать, Ориген показывает, что отношение, которое человек имеет ко Христу, даёт ему предощущение вечной жизни, так что Христос образно обитает в человеке как в духовном раю.

Вторая послеобеденная секция представляла собой круглый стол под названием «Ориген и женское начало»⁴², которым руководила **Лавиния Чериони**, исследователь Орхусского университета (Дания). Первый доклад был представлен **Андерсом-Кристианом Якобсеном**, профессором Орхусского университета, на тему «София: женская сторона Бога по Оригену Александрийскому»⁴³. Исследователь рассмотрел роль Софии в богословии Оригена. При этом автор постарался не только осмыслить, почему Ориген привлекает женский аспект в своё богословие Премудрости, но и то, каким образом «женская» Премудрость

41 *Kensingner B.* The Spiritual Paradise of Origen in his “De oration”.

42 Workshop: Origen and the Feminine.

43 *Jacobsen A.-C.* Sophia: The Female Aspect of God in Origen of Alexandria.

соотносится с «мужским» Логосом и как Премудрость сопряжена с божественным и человеческим началами.

Второй доклад на тему «Учителя благих вещей»⁴⁴ сделала **Мария Мункольт Кристенсен**, исследовательница из Боннского университета. Профессор обратила внимание на то, что хотя Ориген, наряду с апостолом Павлом, запрещает женщинам учительствовать в церковном собрании, однако в «Толковании на Евангелие от Иоанна» призывает пожилых женщин и мужчин быть «учителями благих вещей»⁴⁵. При этом в оригеновском корпусе текстов мы находим самые ранние толкования на запрет женской проповеди в церковных собраниях (см. 1 Тим. 2, 12; 1 Кор. 14, 34). Таким образом, хотя Ориген признаёт, что женщины могут воспринимать божественные откровения, и допускает, что женщина способна давать «духовные наставления», он интерпретирует это довольно специфическим образом, например, в «Беседах на Исаяю»⁴⁶. Вот почему Мария Мункольт Кристенсен в докладе поставила задачу ответить на вопрос, покоится ли аргументация Оригена на богословских основаниях. Её анализ основывался преимущественно на понятиях «позорный» (αἰσχρόν), «откровение» (ἀποκάλυψις) и «проявление авторитета» (αὐθεντεῖν).

Следующий доклад представил **Джованни Эрманин де Райхенфельд**, лектор Папского патристического института Августинианум (Рим), на тему «Женские голоса и память Божия согласно Оригену»⁴⁷. Докладчик рассказал о том, как Ориген представлял библейские образы Елизаветы, Божьей Матери и самарянки. С точки зрения Райхенфельда, для Оригена эти три женские фигуры объединены пророческим голосом (φωνή): голос Марии наполнил утробу Елизаветы Святым Духом; голос Елизаветы стал пророческим, когда она благословила утробу Божьей Матери; а обращение самарянки ко Христу сообщило ей пророческий статус перед лицом её соотечественников. Во всех трёх случаях Ориген развивает дихотомию понятий «гóлоса» (φωνή) и «сло́ва» (λόγος). Особенно чётко эта дихотомия проявляется в образе Елизаветы, поскольку её сын, Иоанн Креститель, становится «голосом», возвещающим «Слово». В последнем случае Ориген проводит очень интересную параллель между голосом и памятью Божьей (μνήμη), которая

44 *Munkholt Chrsitensen M. Teachers of Good Things.*

45 *Origenes Alexandrinus. Commentarii in evangelium Joannis XXXII, 132 // SC. 385. P. 246. Ср. Тит. 2, 3.*

46 *Origenes Alexandrinus. Homilia in Isaiam VI, 3 // GCS. 33. S. 273.*

47 *Hermanin de Reichenfeld G. Female Voices and God's Memory in Origen of Alexandria.*

говорит ему о еврейском происхождении имени Захарии. Таким образом, докладчик, с одной стороны, постарался раскрыть христологическое измерение соотношения $\phi\omega\nu\eta$ и $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$, а с другой, рассмотрел, в какой мере можно предположить, что еврейское происхождение имени Захария является отсылкой к учению Платона об анамнезисе⁴⁸.

Следующий доклад сделала **Катарина Палссон**, сотрудник Центра теологии и религиоведения Лундского университета (Швеция), на тему «Новое обретение рая: рецепция Оригена у Иеронима в рамках защиты женского духовного авторитета»⁴⁹. Автор доклада обратила внимание, что поскольку Иероним являлся автором, окружённым множеством женщин из числа покровителей и учеников, вопрос авторитета женщин в толковании Писания был для него особо важным. Доклад Палссон был посвящён тому, как Иероним использовал богословие и антропологию Оригена для защиты женского духовного авторитета. С точки зрения вопроса о женской аскезе, который в IV в. являлся особо актуальной проблемой, становится особенно важным представление Оригена о цели человеческой жизни как возвращения к духовному существованию и концепция, согласно которой люди способны трансцендировать свои тела, чтобы возвратиться в рай, продолжая при этом пребывать в теле. Последний аргумент Иероним использует для того, чтобы показать, что незамужняя женщина, продолжая быть женщиной телесно, может превратиться в ангельское существо и стать частью «семьи Христовой», что было недопустимо для женатых и находящихся замужем. Таким образом, следуя концепции Оригена о духовной иерархии, основанной на его личном духовном продвижении, Иероним мог показать, что аскеты — как мужчины, так и женщины — стоят выше прочих христиан.

Последний доклад был представлен руководителем круглого стола **Лавинией Черioni** на тему «Блуждающее женское начало: сравнительное исследование Платона и Оригена»⁵⁰. Докладчица отталкивалась от наблюдения, что Платон и Ориген используют женское начало как интеллектуальную категорию, то есть риторический и литературный код, для выражения философских и богословских учений. Платоновская фигура *хоры* и довольно последовательная характеристика Диотимы, с точки зрения Черioni, представляет важную опору для понимания

48 *Origenes Alexandrinus*. Homilia I in Psalmum LXXVI, 6 // GCS NF. 19. S. 304–305.

49 *Pålsson K*. Regaining Paradise: Jerome's Reception of Origen in his Defence of Female Spiritual Authority.

50 *Cerioni L*. The Errant Feminine: A Comparative Study of Plato and Origen.

платоновской трактовки категории женского. Это же значение для Оригена может иметь образ Невесты в толковании на Песнь Песней. Задача доклада заключалась в том, чтобы представить компаративный анализ женских метафор в произведениях обоих авторов, обращая внимание на их богословские и философские аспекты.

Третья послеобеденная секция была посвящена рецепции Оригена после Пятого Вселенского Собора 553 г.⁵¹ Первый доклад на тему «Мудрый человек (*sophos*)? Конфликтующая рецепция экзегезы Оригена на книгу Ионы»⁵² зачитал **Димитрос Заганос**, исследователь из Лувенля-Нёв. На выборке позднеантичных и ранневизантийских текстов автор постарался показать, какое отношение к противоречивому наследию Оригена сложилось к VII в. у христианских экзегетов.

Затем **Владимир Александрович Баранов**, сотрудник Центра изучения древней философии и классической традиции при философском факультете Новосибирского государственного университета, представил доклад на тему «Андрей Критский в диалоге с Оригеном: экзегеза преображения»⁵³. Исследователь стремился показать, что в своей «Беседе на Преображение Господа нашего Иисуса Христа» прп. Андрей Критский заимствовал некоторые понятия из «Толкования на Евангелие от Матфея» Оригена, например: видение преображённого Христа, переходящего к мистическому восьмому дню, находящемуся после шестого дня творения, или образ ризы Христовой как «слова и дела» Спасителя и Писания. При этом В. Баранов убедительно показал, как прп. Андрей Критский вступает в полемику с некоторыми экзегетическими решениями Оригена. К этому, например, относится утверждение, что апостол Пётр был вдохновлён Святым Духом, когда предложил поставить три скинии. При этом некоторые параллели с «Амбигвами» прп. Максима Исповедника дают повод предположить, что прп. Андрей относился к той же самой палестинской традиции «исправленного» христианского платонизма, в котором посредством определённого мистического языка выражалась реальность воплощения Слова и восхождения человеческой души в область божественного.

Затем **Рой Флечнер**, профессор Университетского колледжа в Дублине, представил доклад на тему «Ирландский Ориген VIII века?»⁵⁴. Исследователь отталкивался от замечания, что в последнем издании

51 Session 3: Origen's Reception after his Condemnation in 553.

52 *Zaganos D.* A Wise Man (*sophos*)? The Conflicting Reception of Origen's Exegesis on Jonah.

53 *Baranov V.* Andrew of Crete in Dialogue with Origen: Exegesis of the Transfiguration.

54 *Flechner R.* A Seventh-Century Irish Origen?

раннесредневековой «Collectio Hibernensis» приводятся только восемь текстов, приписываемых Оригену. При этом только четыре могут быть с точностью приписаны Оригену: речь идёт о трёх цитатах из «Истории» Орозия, а также цитате из «Беседы на Книгу Бытия» Оригена. Что касается прочих цитат, можно предположить, что они принадлежат ирландскому автору, который присваивает себе имя Оригена, поскольку некий Ориген также упоминается в некоторых гесперийских текстах на латинском языке. В этих текстах данный Ориген характеризуется как автор толкований на Священное Писание, а также различных афоризмов. Автор доклада поставил перед собой задачу исследовать личность данного автора, его отношение к подлинным текстам Оригена, а также то, в какой мере в средневековой Ирландии были знакомы с оригеновским корпусом текстов.

Последний доклад секции был прочитан **Доменико Паццини** из Рима на тему «От самарянки к диалогу с учениками (Ин. 4): Ориген, Майстер Экхарт и философия»⁵⁵. Паццини обратил внимание на то, что наиболее длинный анализ «Толкования на Евангелие от Иоанна» Экхарта касается беседы Иисуса с учениками, которая следует за встречей с самарянкой (*Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их*⁵⁶). В то время как Ориген основывает на Ин. 4, 34 своё тринитарное учение⁵⁷, Экхарт на этих положениях, касающихся Троицы, возможно, формулировал своё философское учение.

Последний круглый стол, которым руководил **Пол Блоуэрс**, касался концептуальных проблем рецепции Оригена прп. Максимом Исповедником⁵⁸. Первый доклад представил **Владимир Цветкович**, профессор Белградского университета, на тему «Тело и душа у Оригена: прп. Максим Исповедник и оригенизм VII века»⁵⁹. В докладе исследователь поставил задачу на основании «Амбигв»⁶⁰ прп. Максима проанализировать его аргументы относительно предсуществования души и отношений души и тела. В начале доклада автор рассмотрел позицию Оригена о соотношении души и тела, а также источники, которые могли содержать это учение в его время. Затем, в свете современных исследований

55 Pazzini D. From the Samaritan Woman to the Dialogue with the Disciples (Jn. 4): Origen, Eckhart, the Philosophy.

56 Ин. 4, 38.

57 *Origenes Alexandrinus*. Commentarii in evangelium Joannis XIII, 228–249 // SC. 222. P. 154–164.

58 Workshop: Maximus the Confessor, Origen and Origenism II: Conceptual Problems.

59 Cvetković V. Body and Soul in Origen, Maximus the Confessor and the Seventh-Century Origenism.

60 *Maximus Confessor*. Ambiguorum liber 7 // DOML. 28. P. 74–141.

относительно богословских споров VII в., докладчик попытался обозначить место связи души и тела в рамках радикального и умеренного оригенизма, а также антиоригенизма, с одной стороны, и в соотношении с халкидонитами, несторианами и монофизитами, с другой стороны. В завершение докладчик показал, как прп. Максим опровергает позицию Оригена относительно предсуществования души посредством антиоригенистской концепции «сна души», привлекающей использование аристотелевских категорий взаимного отношения (ὁ ἀπὸ τοῦ πρὸς τι) и одновременного становления (ἅμα <...> κατὰ τὴν γένεσιν).

Следующий доклад на тему «От “epinoia” Оригена к “tropos hyparxeos” прп. Максима Исповедника» был прочитан ещё одним сотрудником Белградского университета **Александром Джаковачем**⁶¹. Прежде всего исследователь заметил, что понятие «epinoia», имеющее довольно широкий спектр значений, в христологическом контексте у Оригена обозначает довольно специфические свойства. Однако при этом, что у каппадокийцев понятие «epinoia» (ἐπίνοια) не равно термину «ипостась», но служит основой для его определения, каппадокийцы именно на этом основании разработали учение об ипостасных свойствах. По замечанию докладчика, через труды Леонтия Византийского этот процесс найдёт завершение у прп. Максима Исповедника в его учении о «tropos hyparxeos» (τρόπος τῆς ὑπάρξεως).

Сотрудник Монреальского университета **Даниэл Хайде** представил доклад на тему «Творение как воплощение: логоцентричное богословие Максима как имманентный принцип дифференциации»⁶². В исследовании докладчик предложил переосмыслить заимствование прп. Максимом Исповедником учения Оригена о Логосе, что возможно объясняется его некоторой склонностью к субординационизму и угрозой неоарианства Евномия. Как богословие Логоса Оригена возникает в корпусе текстов Дионисия, так оно возвращается и у прп. Максима Исповедника, где занимает центральное место в его космологических и онтологических рассуждениях. С точки зрения исследователя, прп. Максим вводит очень важное понятие дифференциации. Поскольку каппадокийцы обращаются к понятию божественной простоты и решительно отвергают субординацию ипостасей, то в рамках христианского богословия больше не остаётся места для платоновских форм и плотиновского Ума. Таким образом, для прп. Максима Логос воспринимает свою собственную функцию. При этом прп. Максим

61 *Djakovac A.* From Origen's "epinoia" to the "tropos hyparxeos" of Maximus the Confessor.

62 *Heide D.* Creation as Incarnation: Maximos' Logos-Theology as Immanent Principle of Differentiation.

не воспринимает Логос как подобное Уму единство во множественности, и Логос, таким образом, един в своей трансценденции и множественен в своей имманентности. Другими словами, мы находим у прп. Максима своего рода «онтологию воплощения», воплощения Единого Логоса в качестве многочисленных логосов, составляющих существа. Эти существа не участвуют в логосах в образе форм, но, скорее, сотворены согласно логосам, которые управляют их сущностью и совершенством. Отголоски этого учения присутствуют у Оригена.

Следующий доклад был представлен **Себастианом Матейеску**, профессором Лейденского университета, на тему «Учение Максима Исповедника о неодновременности происхождения и покоя»⁶³. Опираясь на «Амбигвы» прп. Максима⁶⁴, исследователь рассмотрел, каким образом прп. Максим конструирует аргумент против оригеновской концепции, согласно которой покой соотносится не с происхождением, а с движением. Тем не менее он задаёт себе вопрос: каким образом покой, который всегда соотносится с движением, не соотносится с происхождением? С точки зрения исследователя, ответ на этот вопрос может быть обнаружен в тех же «Амбигвах»⁶⁵, где прп. Максим даёт два значения движения как «страсти» и «деятельности, имеющей результат». Последнее соответствует идее «конца» и «совершенства», так что Матейеску полагает, что для прп. Максима «покой» наделяется статусом относительности, если его воспринимать как «конец», а не как «совершенство». В той мере, в какой для прп. Максима «совершенство» является лишь атрибутом Бога, сотворённые существа не могут его иметь в качестве потенции, присущей им по происхождению, которую они смогли бы позже актуализировать. Скорее можно предположить, что они это получают как «дар извне» и таким образом обретают покой, который не может быть одновременным с их бытием.

Последний доклад на тему «Эсхатология Оригена и его наследие» был представлен **Дионисием Склирисом**, профессором Афинского университета⁶⁶. Исследователь поставил перед собой задачу рассмотреть понятие «апокатастасис» в рамках детерминизма и свободы. Онтологическое измерение этой проблемы заключается в том, что зло не может сосуществовать с добром в той мере, в какой первое имеет конечный характер, а второе — бесконечный. Этическая глубина проблемы

63 *Mateiescu S. Maximus the Confessor on the Non-Simultaneity of Origin and Rest.*

64 *Maximus Confessor. Ambiguum liber 15 // DOML. 28. P. 362–377.*

65 *Ibid. 7 // Op. cit. P. 74–141.*

66 *Skiris D. Origen's Eschatology and Its Legacy.*

состоит в том, что Бог сотворил человека таким, чтобы он мог участвовать в Нём разными способами. Таким образом, докладчик поставил вопрос, преодолевает ли Ориген платонический детерминистический интеллектуализм в отношении подлинной христианской эсхатологии, которая оправдывает историческую контингентность. Также здесь следует рассмотреть критику свт. Григорием Нисским понятия «корос» (κόρος, «пресыщение»), что привело к формированию его знаменитого понятия «эпектасис» (ἐπέκτασις, «движение вперёд»), которое есть одновременно и реакция, и развитие схемы, разработанной Оригеном. Таким образом, оба мыслителя формируют эсхатологию, которая динамична и при этом может быть соотнесена с «онтологической» областью Благого. Итак, прп. Максиму Исповеднику удалось уравновесить понятия «стасиса» (στάσις, «стояние») и «дюнамиса» (δύναμις, «сила») через своё знаменитое антиномическое выражение: «Вечно движущийся покой». В этом отношении его синтез разрешает оригеновскую проблему короса.

Четвёртый день конференции завершился пленарным заседанием, на котором **Анна Усачёва**, исследовательница Университета Хельсинки, представила доклад на тему «Ориген Немезия и различные оценки Оригена в IV и V веках»⁶⁷.

19 августа

Первая утренняя сессия под руководством **Элизабет Дайвели Лауро** была посвящена трактату Оригена «Против Цельса»⁶⁸. Первый доклад под названием «О воплощении и изменении в трактате Оригена “Против Цельса”»: платонизм и его контекстуальная рамка» был представлен **Фрерком Яном Бергиусом** из Гронингена (Голландия)⁶⁹. Докладчик отталкивался от точки зрения, что трактат «Против Цельса» Оригена не только посвящён критике платонизма Цельса, но также является текстом богословского характера, в котором изложены основы христианской веры. И хотя во многом представления Оригена о Боге отличаются от платонической концепции Бога, которой придерживается Цельс, однако в отношении некоторых положений богослов и философ вполне согласны. Автор доклада сосредоточился на проблеме воплощения,

67 *Usacheva A.* The Origen of Nemesius and the Different Perceptions of Origen in the Fourth and Fifth Centuries.

68 Session 1: Contra Celsum.

69 *Berghius F. J.* On 'Incarnation' and Change in Origen's "Contra Celsum": Platonism and Beyond.

представлявшей серьёзную проблему для Цельса как платоника, для которого неизменяемость Бога является существенным божественным атрибутом. Исследование Бергиуса при этом показало, что Оригену посредством определённой рецепции платоновской терминологии удалось выработать концепцию, допускающую изменяемость Бога.

Второй доклад был представлен **Римером Рукемой**, профессором новозаветной библеистики в Протестантском богословском университете Амстердама, на тему «Оправдание Оригеном разнообразия в христианстве перед лицом концепции Цельса о философском идеале единства»⁷⁰. Автор доклада опирался на положение Цельса о том, что христианство отошло от «Истинного учения»⁷¹, которое представляло собой недробимое единство. Хотя Ориген и соглашается, что единство лучше множества, однако в качестве аргумента в защиту христианства приводит 1 Кор. 11, 19, где говорится, что разделения (*αἰρέσεις*) в христианстве неизбежны. Рукема исследовал эклектический аспект подхода Оригена и его обращение к понятию множества, которое он также усматривает в современной ему философской среде.

Третий доклад был представлен **Александром Пирсом**, профессором Университета Нотр-Дам (Индиана, США), на тему «Ориген и Цельс о понятии таинства: христианская рецепция многозначного понятия»⁷². Исследователь обратил внимание на то, что в III в. понятие «таинства» (*μυστήριον*), которое использовалось и в иудейской экзегезе, и в греко-римской среде, а также в раннехристианской литературе, было исключительно многозначным. Оно могло означать ритуал инициации в языческих религиозных культах или скрывание таинственных истин в переносном значении. Основной тезис доклада заключался в том, что Ориген, опровергая критику Цельсом христианских таинств (*μυστήρια*), сумел определить, чем отличается христианская рецепция этого термина от его языческого употребления. Если Цельс, согласно Оригену, отвергает литургические христианские таинства и относит это понятие к языческим мистериям, то христианский апологет предлагает собственную интерпретацию данного понятия. Ориген, показывая исчерпывающее знание всех значений понятия «таинство», охватывает им и таинственный аспект христианской литургии, и экзегезу Священного Писания. Несмотря на исключительное многообразие значений

70 *Roukema R.* Origen's Justification of the Diversity in Christianity over against Celsus' Philosophical Ideal of Unity.

71 *Origenes Alexandrinus.* Contra Celsum III, 12 // SC. 136. P. 34, 36.

72 *Pierce A. H.* Origen and Celsus on *μυστήριον*: Christianizing a Manifold Concept.

этого понятия, Оригену удаётся очень органически вписать «таинство» в концепцию христианской эпоптики. В докладе Пирс дал подробный обзор тех значений *μυστήριον*, которые могли встречаться Оригену в современных ему источниках, а также палитры смыслов, которые Ориген представляет в своих творениях. При этом исследователь обратил внимание на непоследовательность, которая обнаруживается в том, как Ориген соотносит этот термин со скрытием и раскрытием таинственного в более богословском ключе. В заключение Пирс предположил, что Ориген в своей рецепции понятия «таинство» учитывал коннотации языческой, еврейской и христианской традиций.

Последний доклад секции был представлен **Фернандо Солером**, профессором Католического университета в Сантьяго-де-Чили, на тему «Пришествие Логоса, согласно трактату Оригена “Против Цельса”»⁷³. Исследователь поставил перед собой задачу рассмотреть, каким образом в рамках оригеновской концепции того, что разумные творения могут приближаться и отдаляться от Бога, происходит встреча между творением и Логосом. Солер предложил ответить на этот вопрос посредством учения о «понятиях» (*ἐπίνοια*), поскольку, с одной стороны, каждое живое существо в силу своей уникальности нуждается в собственном виде божественного посредничества, а, с другой, Логос может с качественной точки зрения стать любимым из этих посредничеств. Тем не менее эта концепция не принимает во внимание то, что Логос может повторить этот акт посредничества бесконечное число раз, так что к качествам Логоса нужно добавить количественный аспект. В своём сообщении Солер сосредоточился на анализе понятия «пришествие» (*ἐπιδημία*) на материале трактата «Против Цельса», где Ориген оспаривает представление о материальном присутствии Логоса в мире. Своё исследование Фернандо Солер основал на работе Жервэ Эби «Божественные миссии от Иустина до Оригена»⁷⁴.

Вторая секция была посвящена отношению Оригена к иудаизму⁷⁵. **Пол Уэтли**, профессор Университета Нотр-Дам (штат Индиана, США), представил доклад под названием «*В лабиринте раввинистической герменевтики: Ориген, страсти Авраама и Иисуса, а также экзегеза на Песн. 1, 3.12–13*»⁷⁶. Исследователь отталкивался от замечания Пола Блоуэрса

73 Soler F. Logos' "epidemia" in Origen's "Contra Celsum".

74 Aeby G. Les missions divines de Saint Justin à Origène. Fribourg, 1958.

75 Session 2: Judaism.

76 Wheatley P. "Into the Labyrinth of Rabbinic Hermeneutics": Origen, the Passion of Abraham and Jesus, and the Exegesis of Song 1, 3.12–13.

о том, что Ориген восхищался раввинистической трактовкой таинственной глубины Писания, а также иногда заимствовал отдельные пассажи агады, хотя делал это скорее поверхностно⁷⁷. Представляется, что экзегеза Оригена на Песн. 1, 3.12–13 является в этом отношении скорее исключением. В сложной раввинистической агаде на Песнь Песней соотношение нарда и мира влечёт за собой упоминание апокрифического повествования об освобождении Авраама от мученичества: библейский патриарх уподобляется «сосуду нарда», благоухающему тогда, когда его передвигают. В свою очередь, Ориген, толкуя это место, говорит, что «любой сосуд мира, который был утрачен, нечист»⁷⁸. Согласно выводам Уэтли, Ориген упоминает традицию мученичества Авраама в своей экзегезе на Песн. 1, 3.12–13 для того, чтобы провести параллель с мученичеством Христа. Таким образом, хотя Ориген и обращается к раввинистическим герменевтическим принципам, однако приходит с их помощью к совершенно иным заключениям.

Второй доклад на тему «Ориген и фарисеи»⁷⁹ был представлен на итальянском языке отцом **Лукой Ангелелли**, профессором Папско-Григорианского университета (Рим). Докладчик начал с замечания, что в первые века христианства существовало представление о фарисеях как о высокомерных иудеях, врагах христианской веры, отличавшихся прежде всего лицемерием. С точки зрения Ангелелли, в развитии этой концепции наследие Оригена стало поворотным моментом для построения типологии фарисеев в рамках последующей истории христианской литературы. При этом важно учитывать, что концептуализация образа фарисея обусловлена богословскими спорами первых веков. Таким образом, фарисейская типология предстаёт как маргинальный эпифеномен построения христианской идентичности, контрастирующий с еврейскими общинами и с эллинистической культурой, в том числе, в результате растущего внимания к толкованию канонических Евангелий. Автор доклада основывал это положение на результатах своей докторской диссертации о фарисеях в патристической литературе и показал развитие фарисейской типологии, а также существенную роль Оригена в её формировании. Подобная типология, как полагает

77 *Blowers P. M. Origen, the Rabbis, and the Bible: Toward a Picture of Judaism and Christianity in Third-Century Caesarea // Origen: His World and His Legacy / ed. by C. Kannengiesser and W. Petersen. Notre Dame (Ind.), 1988. (Christianity and Judaism in Antiquity; 1). P. 115.*

78 *Origenes Alexandrinus. Commentarium in Canticum Canticorum II, 10 // SC. 37 bis. P. 136, 138.*

79 *Angelelli L. Origene e i farisei.*

докладчик, принадлежит именно «великой Церкви», которая позиционировала себя как единственного полноправного представителя христианства в ущерб другим конкурирующим сообществам, о которых, например, говорится в «Псевдо-Климентинах».

Себастиан Морле, профессор древнегреческого языка и литературы в Сорбонне, не смог представить свой доклад о философских истоках духовной экзегезы Оригена⁸⁰, поэтому вместо него выступил **Феликс Аренс**, аспирант факультета католической теологии Вестфальского университета имени Вильгельма. Его доклад носил название «Всё находится в Боге: истоки истоки одной идеи у Филона и Оригена Александрийского»⁸¹.

Последней утренней секцией руководила **Катарина Палссон**, сотрудник Центра теологии и религиоведения Лундского университета (Швеция). Этот круглый стол назывался «Философия [появляется] до или после экзегезы, согласно Оригену и его читателю Иерониму?»⁸². Первый доклад представил **Питер Мартенс**, профессор раннего христианства Университета Сент-Луиса (штат Миссури, США), на тему «Филологические настроения: таксономия отношения Оригена к Библии»⁸³. Согласно концептуализации Мартенса, можно выделить четыре «настроения», которые характеризуют оригеновскую экзегезу:

- критицизм, но также подчинение тексту;
- консервативное, но в то же время творческое отношение;
- осторожная позиция, которая выражается в гипотезах, предположениях или нескольких возможных толкованиях;
- более личное прочтение, в котором экзегет местами сливается с библейским нарративом.

Мартенс отталкивался в своей классификации от того, что многие исследователи позднеантичной филологии или раннехристианской экзегезы, по его мнению, часто не уделяют достаточного внимания филологической интенции экзегетов. При этом они часто преувеличивают важность «критического отношения» к тексту. Таким образом, понимание филологических «настроений» Оригена может нам помочь лучше осмыслить его духовную экзегезу.

Второй доклад представила **Илария Скарпони**, исследователь из Бристольского университета, на тему «Рецепция христианской

80 *Morlet S.* The Philosophical Background of Origen's Spiritual Exegesis.

81 *Arens F.* Everything in God: The Beginning of an Idea in Philo and Origen of Alexandria.

82 Session 3: Philosophy before or after Exegesis in Origen and his Reader Jerome?

83 *Martens P. W.* Philological Moods: A Taxonomy of Origen's Postures toward the Bible.

экзегезы и философии Оригена в письме 120 Иеронима»⁸⁴. В письме от 407 г., адресованном к Хедибии, христианке из Галлии, Иероним, согласно исследовательнице, обращается к оригеновской герменевтике ради того, чтобы помочь своему адресату истолковать Рим. 9, 11–13. Истолковывая божественное избрание Иакова до его рождения, Иероним приводит ту же аргументацию, что и Ориген в трактате «О началах»⁸⁵, хотя и отвергает учение Оригена о предсуществовании душ, которое он приписывает Пифагору и Платону. В этом месте Ориген обосновывает избрание Иакова заслугами, которые приобрела его душа прежде воплощения. Тогда как Иероним утверждает, что Бог по отношению к людям поступает в соответствии со Своей волей, он в своём толковании на Рим. 9 всё же делает оговорку: люди, наделённые свободой воли (*libertas arbitrii*), могут принимать или, наоборот, отвергать христианскую веру, на основании чего они будут суждены. Хотя Иероним и стремится в рамках антиоригенистских поров противопоставить себя Оригену, тем не менее он всё же опирается на Оригена в своей интерпретации Послания к Римлянам⁸⁶. Таким образом, он истолковывает выражение: «...затвердевшее сердце [фараона]» (Исх. 4, 21; см. Рим. 9, 18) — как сознательное укоренение во зле, а также подчёркивает, что утверждение апостола Павла в Рим. 9, 14–19 является опровержением слов собеседника, который отвергает свободу выбора. Докладчик тем не менее пришла к заключению, что хотя Иероним и отклоняется от толкования, отражающего философские положения Оригена, однако использует те экзегетические решения Оригена, которые касаются человеческой автономии и свободы воли.

В последнем докладе **Сара Контини**, исследователь из Тюбингенского университета, коснулась темы «Единое достоинство противоборствующих: достоинство и справедливость в полемике Иеронима против апокатастасиса»⁸⁷. Докладчица в своей работе исследовала, как Иероним использует понятие «достоинство» (*dignitas*) в полемике против положений Оригена о конце времён. Исследовательница обратила внимание на то, что Иероним представляет очень «римское» понимание соотношения достоинства и справедливости в полемике с концепцией, согласно которой в конце времён судьбы каждого разумного

84 Scarponi I. The Reception of Origen's Christian Philosophy and Exegesis in Jerome's Epistle 120.

85 Origenes Alexandrinus. De Principiis II, 9, 7 // SC. 252. P. 366–370.

86 Origenes Alexandrinus. Commentarius in Epistolam Pauli ad Romanos VII, 14 // PG. 14. Col. 1141.

87 Contini S. Una dignitas militantium: Dignity and Justice in Jerome's Polemic against Apocatastasis.

существа вне зависимости от его заслуг и ошибок одинаковы. При этом доклад касался преимущественно текстов Иеронима, в которых понятие «достоинство» употреблено в контексте эсхатологии, как в толковании Оригена на Ин. 3, 9–6, и сопоставлял их с латинскими переводами трактата «О началах». При этом Контини также провела некоторые параллели с латинскими авторами, которые выражали идею соотношения достоинства человека и его заслуг, например, Цицерон в трактате «Об обязанностях». Во второй части доклада исследовательница рассмотрела другие тексты (Илария Пиктавийского, Амвросиаста, Филастрия и блж. Августина), в которых содержатся концепции о достоинстве в конце времён. Докладчик пришла к заключению, что Иероним и прочие латинские авторы не могут представить достоинство в последние времена без определённой иерархии, поскольку и для Иеронима, и для Цицерона достоинство является противоположностью универсального равноправия. Хотя Иероним, как христианин, и полагает, что человек не должен искать достоинства как социального статуса в этом мире⁸⁸, однако в русле цицероновской философии он формулирует представление о том, что мы обретём или, наоборот, не обретём достоинство в загробной жизни. Исследование Контини показало, что в IV–V вв. взаимодействие между римскими политическими понятиями и христианским учением о человеке и его взаимоотношении с Богом было весьма сложным, также оно развивалось через толкование Писания и философские герменевтические приёмы.

Конференция завершилась круглым столом «Будущее исследований об Оригене — тенденции и возможности»⁸⁹ под руководством **Питера Мартенса**. В обсуждении актуальных проблем изучения Оригена принимали участие **Сара Контини**, **Лавиния Чериони**, **Пуи Хим Ип**, **Альфонс Фюрст** и **Кристоф Маркшис**. Было озвучено место проведения следующей конференции — при Австралийском католическом университете в Мельбурне.

Анна Грюнерт

88 *Hieronymus Stridonensis*. Epistula 22, 30 // PL. 22. Col. 416–417.

89 Final panel: The Future of Origen Research — Trends and Possibilities.

Источники

- Aristophanis Fabulae: in 2 t. / recognovit brevique adnotatione critica instruxit N. G. Wilson. T. 2. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 2007. (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).
- Aurelius Augustinus*. De civitate Dei // PL. T. 41. Col. 13–804.
- Digesta Iustiniani Augusti: in 2 t. / recogn. adsumpto in operis societatem P. Kruegero, Th. Mommsen. T. 1. Berolini: Apud Weidmannos, 1870.
- Hieronymus Stridonensis*. Epistulae // PL. T. 22. Col. 325–1224.
- Origène*. Commentaire sur saint Jean: en 5 t. / texte grec, avant-propos, trad. et notes par C. Blanc. T. 3: Livre XIII. Paris: Les Éditions du Cerf, 1975. (SC; vol. 222).
- Origène*. Commentaire sur saint Jean: en 5 t. / texte grec, introd., trad. et notes par C. Blanc. T. 4: Livres XIX et XX. Paris: Les Éditions du Cerf, 1982. (SC; vol. 290).
- Origène*. Commentaire sur saint Jean: en 5 t. / texte grec, introd., trad. et notes par C. Blanc. T. 5: Livres XXVIII et XXXII. Paris: Les Éditions du Cerf, 1992. (SC; vol. 385).
- Origène*. Contre Celse: en 4 t. / introd., texte crit., trad. et notes par M. Borret. T. 2: Livres III et IV. Paris: Les Éditions du Cerf, 1968. (SC; vol. 136).
- Origène*. Homélie sur le Cantique des Cantiques / introd., trad. et notes par Dom O. Rousseau. Paris: Les Éditions du Cerf, 1966. (SC; vol. 37 bis).
- Origène*. Traité des principes: en 3 t. / introd., texte crit. de la version de Rufin, trad. par H. Crouzel et M. Simonetti. T. 1: Livres I et II. Paris: Les Éditions du Cerf, 1978. (SC; vol. 252).
- Origène*. Traité des principes: en 3 t. / introd., texte crit. de la Philocalie et de la version de Rufin, trad. par H. Crouzel et M. Simonetti. T. 3: Livres III et IV. Paris: Les Éditions du Cerf, 1980. (SC; vol. 268).
- Origenes Alexandrinus*. Commentarius in Epistolam Pauli ad Romanos // PG. T. 14. Col. 837B–1292C.
- Origenes Werke. Bd. 8: Homilien zu Samuel I, zu Hohenlied und zu den Propheten. Kommentar zum Hohenlied. In Rufins und Hieronymus' Übersetzungen / hrsg. von W. A. Baehrens. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1925. (GCS; Bd. 33).
- Origenes Werke. Bd. 11: Origenes Matthäuserklärung. T. 2: Die Lateinische Übersetzung der Commentariorum series / hrsg. von E. Klostermann, unter Mitwirkung von E. Benz; bearbeitete Auflage hrsg. von U. Treu. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. (GCS; Bd. 38).
- Origenes Werke. Bd. 13: Die neuen Psalmenhomilien: Eine kritische Edition des Codex Monacensis Graecus 314 / hrsg. von L. Perrone in Zusammenarbeit mit M. Molin Pradel, E. Prinzivalli und A. Cacciari. Berlin; München; Boston (Mass.): Walter de Gruyter GmbH, 2015. (GCS NF; Bd. 19).
- Maximus Confessor*. On Difficulties in the Church Fathers: The Ambigua: in 2 vol. / ed. and transl. by N. Constat. Vol. 1. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2014. (Dumbarton Oaks Medieval Library; vol. 28).
- Plotini Opera: in 3 t. / ed. P. Henry et H.-R. Schwyzer. T. 1. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1964. (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).
- Бердяев Н. А.* Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918.

Литература

- Aeby G.* Les missions divines de Saint Justin à Origène. Fribourg: Éditions universitaires, 1958.
- Blowers P. M.* Origen, the Rabbis, and the Bible: Toward a Picture of Judaism and Christianity in Third-Century Caesarea // Origen: His World and His Legacy / ed. by C. Kannengiesser and W. Petersen. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press, 1988. (Christianity and Judaism in Antiquity; vol. 1). P. 96–116.
- Cerfaux L.* Le Christ dans la théologie de saint Paul. Paris: Les Éditions du Cerf, 1954.
- Daniélou J.* Essai sur le mystère de l'histoire. Paris: Éditions du Seuil, 1953.
- Dennert E.* Die Krisis der Gegenwart und die kommende Kultur. Berlin: Johannes Baum Verlag, 1928.
- Löwith K.* Meaning in History. Chicago (Il.): University of Chicago Press, 1949.
- Steidle B.* Neue Untersuchungen zu Origenes «Peri Archon» // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1941. Bd. 40. S. 236–242.